

О роли и функциях «мелочей» в поэме Гоголя «Мертвые души»

Детализация изображаемого – одна из характерных особенностей литературного стиля Гоголя. Однако в целом о роли подробностей и мелочей в поэме Гоголя написано не так уж много. Их значение в художественной структуре гоголевской поэмы одним из первых подчеркнул Андрей Белый. Исследователь считал, что «анализировать сюжет “Мертвых душ” – значит: минуя фикцию фабулы, ощупывать мелочи, в себя вобравшие и фабулу, и сюжет...»¹.

Интерес к гоголевской детали, в частности к предметному миру его произведений, нашел отражение в работах В.Б. Шкловского, Ю.В. Манна, А.П. Чудакова, Е.С. Добина, А.Б. Есина, М.Я. Вайскопфа¹ и других исследователей. Однако проблема изучения роли деталей в творчестве писателя далеко не исчерпана. Сосредоточим внимание на таких деталях, которые повторяются, варьируются в тексте² первого тома поэмы и имеют лейтмотивный характер, в частности, на мелочах, связанных с образом Чичикова, а также с мотивами еды, питья и карточной игры.

Писатель умышленно стремился к тому, чтобы детали текста запомнились читателю. Он прибегал к повторам, упоминая о той или иной детали в разных вариациях. Четкая маркировка героев соединяется в гоголевской поэме с детальным описанием внешности и интерьера. И это не случайно, ведь «язык искусства, – язык детали»². Каждый из образов, играющих заметную роль в сюжете поэмы, раскрывается при помощи целой системы характеристических деталей. Гоголь писал в «Авторской исповеди», что мог угадывать человека только тогда, когда представлял «самые мельчайшие подробности его внешности» (VIII, 446). Так, детали портрета Чичикова указывают на черты усредненности и неопределенности в его

характере («не красавец, но и не дурной наружности, ни слишком толст, ни слишком тонок...») (VI, 7). Рассматривая роль фигуры фикции в поэме Гоголя «Мертвые души», Андрей Белый справедливо указывал, что описание Чичикова в первой главе – «эпиталама безличию <...> явление круглого общего места, спрятанного в бричку»³. Это «общее место» означено в поэме деталями. Так, повторяющаяся деталь внешности героя – «фрак брусничного цвета с искрой» – напоминает о его желании выделиться, быть замеченным, что соответствует его «наполеоновским» планам. В костюме Чичикова обращают на себя внимание такие детали, как «белые воротнички», «щегольской лаковый полусапожек, застегнутый на перламутровые пуговицы», «синий галстук», «новомодные манишки», «бархатный жилет». Мозаика портрета героя складывается постепенно и состоит из отдельных мелочей. О его духовных запросах и интересах сказано вскользь, мимоходом и не так детально, как описана, например, поглощаемая им еда или то, как он мылся мокрой губкой, тер мылом щеки, «вспрыскивал» себя одеколоном, менял белье и т.д. В конце седьмой главы изрядно выпивший Чичиков, который «перечокался со всеми», неожиданно начинает читать Собакевичу послание в стихах Вертера к Шарлотте» (VI, 151-152), имеется ввиду стихотворение В.И. Туманского «Вертер и Шарлотта (за час перед смертью)», опубликованное в 1819 году в журнале «Благонамеренный»⁴. В десятой главе поэмы упоминается о том, что Чичиков «прочитал даже какой-то том герцогини Лавальер» (VI, 211). Однако подробности, указывающие на его духовные интересы, единичны. Они не носят систематического характера.

Чичикова невозможно представить без его крепостных – кучера Селифана и лакея Петрушки, а также без брички, тройки лошадей и шкатулки – «небольшого ларчика красного дерева с штучными выкладками из карельской березы».

В отличие от балаганного Петрушки, русского шута в красном кафтане и красном колпаке, гоголевский Петрушка одет в широкий коричневый

сюртуку «с барского плеча». Автор акцентирует внимание на таких особенностях внешности героя, как «крупный нос и губы», а также на его страсти к чтению как процессу, на его умении спать, не раздеваясь, и носить свой «особенный воздух», запах, «отзывавшийся несколько жилым покоем». Пара слуг героя обрисована по принципу контраста. Молчаливому Петрушке, делающему все автоматически, противопоставит разговорчивый Селифан, который любит выпить. В его уста автор вкладывает пространные высказывания, адресованные своим лошадям.

В детальном описании тройки Чичикова Гоголь активно использует приемы персонификации и антропоморфизма, в частности, наделяет животных человеческими качествами. Так, читатель узнает, что чубарый пристяжной конь «был сильно лукав и показывал только для вида, будто бы везет, тогда как коренной гнедой и пристяжной каурой масти, называвшийся Заседателем, <...> трудились от всего сердца, так что даже в глазах их было заметно получаемое ими от этого удовольствие» (VI, 40). В речах и оценках «словоохотливого» Селифана, читающего наставления лошадям, гнедой – «почтенный конь» и Заседатель – «хороший конь», а чубарый – «панталонник <...> немецкий», «дурак», «невежа», «варвар» и «Бонапарт <...> проклятый». В третьей главе поэмы гнедой и Заседатель – «любезные» и «почтенные», а чубарый – «ворона». Небезынтересно, что Гоголь задолго до Л.Н. Толстого, запечатлевшего «мысли» лошади в рассказе «Холстомер», знакомит читателя с «мыслями» своего чубарого: «Вишь ты, как разнесло его!» думал он сам про себя, несколько припрыгивая ушами. «Небось знает, где бить! Не хлыснет прямо по спине, а так и выбирает место, где поживее» (VI, 59).

Образ-вещь – шкатулка Чичикова – также играет важную роль в раскрытии характера героя, поскольку непосредственно связана с его тайной и планами обогащения. Чичиков не прост, его «тайна», как второе дно, раскрывается не сразу, а в конце первого тома романа. «Ларчик красного дерева» также имеет второе дно. Символический характер данного предмета

становится очевиден в эпизодах пребывания Чичикова у Коробочки. «Шкатулка – и символ, и реальный предмет, – подчеркивает Андрей Белый, – она план приобретения, таимый в футляре души...»⁵. Шкатулка Чичикова описана автором во всех деталях. Она многоярусна, в верхнем, вынимающемся ящике, – мыльница, «перегородки для бритв», «закоулки для песочницы и чернильницы», «лодочки для перьев, сургучей», а под ними – пространство для бумаг и «маленький потаенный ящик для денег, выдвигавшийся незаметно сбоку шкатулки» (VI, 56). Абрам Терц замечает, что чудо-шкатулка Чичикова, составляющая главный предмет его багажа и обожания, «напоминает волшебный ящик в сказке, куда без труда укладывается целое войско, а то и все обширное царство-государство странствующего царевича»⁶. В седьмой главе поэмы Чичиков просыпается с мыслью о том, что «у него теперь без малого четыреста душ». Он просматривает записки помещиков с именами и прозвищами выкупленных мужиков и приходит в умиление: «Батюшки мои, сколько вас здесь напичкано! что вы, сердечные, поделывали на веку своем? Как перебивались?» (VI, 136). Мертвые мужики предстают здесь как живые, а в патетических описаниях Петра Савельева Неурожай-Корыто, Степана Пробки, Максима Телятникова голос автора и голос Чичикова сливаются воедино.

Объектом фокализации в гоголевской поэме неоднократно становятся еда и напитки. Начиная с первых страниц, в «Мертвых душах» детально описывается, что ели и пили персонажи произведения. Так, уже в первой главе поэмы читатель узнает, какие блюда обычно подавали в трактирах: «щи с слоеным пирожком <...>, мозги с горошком, сосиски с капустой, пулярка жареная, огурец соленый» и т.д. (VI, 9). В этих и других описаниях сказалось, очевидно, не только влияние античных авторов, но и И.П. Котляревского, который в своей «Энеиде» дает длинные каталоги яств и напитков, поглощаемых героями.

В четвертой главе поэмы, размышляя о «господах средней руки» и об их желудках, автор описывает, что они ели в трактирах: «на одной станции потребуют ветчины, на другой поросенка, на третьей ломоть осетра или какую-нибудь запеканную колбасу с луком и потом как ни в чем не бывало садятся за стол в какое хочешь время, и стерляжья уха с налимами и молоками шипит и ворчит у них меж зубами, заедаемая расстегаем и кулебякой с сомовьим плесом» (VI, 61). К таким господам принадлежит и Чичиков, который, остановившись в трактире, заказывает себе поросенка с хреном и со сметаною.

Приемом пищи, как правило, начинается или завершается операция Чичикова по покупке мертвых душ. Например, у бесхозяйственного Манилова все «просто, по русскому обычаю, щи, но от чистого сердца» (VI, 30). Гораздо богаче обед у Коробочки, которая предложила гостю «грибки, пирожки, скородумки, шанишки, пряглы, блины, лепешки со всякими припеками: припеккой с лучком, припеккой с маком, припеккой с творогом, припеккой со сняточками» (VI, 56-57). Перечень блюд в данном случае свидетельствует о хозяйственности и изобретательности помещицы. Во время чаепития у Коробочки Чичиков сам вливает «фруктовую» в чашку с чаем. Это не случайная сюжетная деталь. Она свидетельствует о том, что герой решил не церемониться с хозяйкой.

Примечательно, что в разговоре с Коробочкой детализируется тема пьянства. Хозяйственная помещица жалуется на то, что у нее «сгорел» кузнец: «Внутри у него как-то загорелось, чересчур выпил, только синий огонек пошел от него, весь истлел, истлел и почернел, как уголь» (VI, 51). Автор никак не комментирует данный эпизод, но он красноречиво свидетельствует о том, как пили крепостные. Гоголь мастерски передает интонацию речи выпившего Селифана, которого угостили дворовые люди Манилова. В ответ на обвинения Чичикова («Ты пьян как сапожник!») кучер произносит монолог, замедленный и алогичный: «Нет, барин, как можно, чтоб я был пьян! Я знаю, что это нехорошее дело быть пьяным. С приятелем

поговорил, потому что с хорошим человеком можно поговорить, в том нет худого; и закусили вместе. Закуска не обидное дело; с хорошим человеком можно закусить» (VI, 43). То, что Селифан «подгулял», имело свои последствия: он сбился с дороги, бричка опрокинулась, Чичиков «шлепнулся» в грязь, а в итоге в поэме появился неожиданный поворот в развитии действия – путники попали к Коробочке.

В гоголевской поэме пьют и крепостные, и помещики, и чиновники. Ярким доказательством этому является обед у полицеймейстера в седьмой главе поэмы, когда пили «за здоровье нового херсонского помещика», за переселение его крепостных, за здоровье будущей жены и т.д. Автор во всех деталях описывает атмосферу мужской пьянки с многократным «чоканьем», разговорами «обо всем», когда спорили и кричали о политике, о военном деле и даже излагали «вольные мысли». Это единственный эпизод в поэме, в котором Гоголь изображает пьяного Чичикова. Психологически он мотивирован. Совершив «купчую» в гражданской палате, он расслабился и вышел из роли. Херсонские деревни и капиталы причудились ему реальностью. Автор смеется над героем, который «заснул решительно херсонским помещиком». Со всеми подробностями описана процедура раздевания Чичикова, реакция Селифана на бред хозяина, на его приказание «собрать всех вновь переселившихся мужиков, чтобы сделать всем лично поголовную переключку» (VI, 152). Весь этот эпизод пронизан юмором и комизмом. Гоголь умышленно не называет место, куда пошли слуга и кучер после того, как уснул их барин, но детали его описания красноречиво свидетельствуют о том, что это был трактир. «Что делали там Петрушка с Селифаном, бог их ведает, но вышли они оттуда через час, взявшись за руки, сохраняя совершенное молчание, оказывая друг другу большое внимание и предостерегая взаимно от всяких углов. Рука в руку, не выпуская друг друга, они целые четверть часа взбирались на лестницу» (VI, 153). До Гоголя никто в русской литературе не описывал так подробно итоги невоздержанного выпивания.

Характеристическую функцию выполняют подробности угощения, предложенного Ноздревым. Описывая обед в его доме, автор подчеркивает, что блюда не играли большой роли в жизни данного персонажа («кое-что и пригорело, кое-что и вовсе не сварилось»), зато дает длинный перечень напитков, которые Ноздрев предлагает гостю. «...Еще не подавали супа, он уже налил гостям по большому стакану портвейна и по другому гостотерна...» (VI, 75), потом принесли бутылку мадеры, которую «заправляли» ромом, «а иной раз вливали туда и царской водки», затем последовал «бургуньон и шампиньон вместе», рябиновка, бальзам и т.д. Все детали данного перечня говорят о пристрастии Ноздрева к спиртным напиткам. У героя своя шкала ценностей, а предметом его хвастовства является не только карточная игра, но и то, что и в каких количествах он пил. «Веришь ли, что я один в продолжение обеда выпил семнадцать бутылок шампанского!», – хвастается Ноздрев Чичикову (VI, 65).

Застолье у Собакевича, наоборот, свидетельствует о том, что именно еда является главным удовольствием и смыслом его жизни. По обилию блюд, по отношению к ним героя обед у Собакевича напоминает обед у Петра Петровича Петуха во втором томе «Мертвых душ». Описывая «закуску», предшествовавшую обеду, автор подчеркивает, что гость и хозяин «выпили как следует по рюмке водки» и закусили так, «как закусывает вся пространная Россия по городам и деревням», то есть рюмка водки заедалась «всякими соленостями и иными возбуждающими благодатями» (VI, 97). После закуски герои последовали в столовую, и здесь в фокусе авторского внимания оказывается не столько количество и качество блюд, сколько то, *как* ест герой и как он расхваливает достоинства своей домашней кухни, предпочитая ее французским и немецким выдумкам. Так, похвалив щи и съев «огромный кусок няни», хозяин предлагает гостю: «Возьмите барана, <....> – это бараний бок с кашей! Это не те фрикасе, что делаются на барских кухнях из баранины, какая суток по четыре на рынке валяется! <....> он опрокинул половину бараньего бока к себе на тарелку, съел все, обгрыз, обсосал, до

последней косточки» (VI, 98-99). После бараньего бока были ватрушки «больше тарелки», «индюк ростом с теленка, набитый всяким добром: яйцами, рисом, печенками и ни весть чем» (VI, 99-100). В описании обеда у Собакевича Гоголь активно использует прием гиперболизации, а также детализации, которая кажется излишней. Однако множество подробностей свидетельствует о том, что своя «куча» есть и у Собакевича – это куча еды, разнообразных блюд, каждое из которых отличается большими размерами.

Пристрастие Собакевича к еде акцентируется и в других эпизодах романа; например, на обеде у полицеймейстера гости, приступив к еде, «стали обнаруживать, как говорится, каждый свой характер и склонности, налегая кто на икру, кто на семгу, кто на сыр» (VI, 150). На этом фоне автор крупным планом изображает Собакевича, обращая внимание читателя на то, как он еще до начала обеда «наметил» осетра, лежащего в стороне на большом блюде, как «пристроился к осетру» и как «в четверть часа с небольшим доехал его всего». А когда полицеймейстер вспомнил об осетре и увидел, что от него остался только хвост, Собакевич «пришипился», как будто и не он его съел, «и, подошедши к тарелке, которая была подалеже прочих, тыкал вилкою в какую-то сушеную маленькую рыбку» (VI, 150-151). В деталях данного эпизода, в частности в поведении Собакевича, в реакции полицмейстера на это поведение, раскрывается не только комизм ситуации, но и характер персонажа.

Совсем иное отношение к еде демонстрирует Плюшкин. Медленное умирание его жизни сказывается не только в запустенье, царившем в его усадьбе, но и в отношении к еде. «Сухарь из кулича» и ликерчик, который еще покойница-жена делала, – это все, что он может предложить гостю. Однако даже такое странное поведение героя свидетельствует о том, что хозяин имения помнил о старинных русских обычаях, в частности о законе гостеприимства.

Художественная детализация как прием реализуется также в описаниях обстановки и хода карточной игры, которые по-своему важны в изображении

помещичьего и чиновничьего быта в «Мертвых душах» Гоголя. На протяжении первого тома поэмы писатель неоднократно возвращается к мотиву карточной игры, которая расценивается как естественное и привычное занятие помещиков и чиновников в часы досуга. В первой главе поэмы автор знакомит читателя с тем, как играли в вист в доме губернатора. Вист относится к коммерческим играм. Ю.М.Лотман указывает, что в вист играли степенные и солидные люди⁷. Присоединившись к «толстым», Чичиков оказался в отдельной комнате, где ему «всунули карту на вист». Играющие «сели за зеленый стол и не вставали уже до ужина. Все разговоры совершенно прекратились, как случается всегда, когда наконец предаются занятию дельному. Хотя почтмейстер был очень речист, но и тот, взявши в руки карты, тот же час выразил на лице своем мыслящую физиономию» (VI, 16). Автор не входит в детали игры, зато подробно описывает, что «приговаривали» играющие, ударяя картой по столу: «...если была дама: “Пошла, старая попадья!”, если же король: “Пошел, тамбовский мужик!”» и т.д. (VI, 16). Измененные названия карт, которыми они «перекрестили» масти в своем обществе – «черви! червоточина! пикенция!» или: «пикендрас! пичурушух! «пичура!» и т.д., подчеркивают провинциальный характер чиновничьего быта, а обилие восклицательных знаков передает накал страстей во время игры.

Примечательно, что знакомство Чичикова с Ноздревым происходит во время карточной игры у полицеймейстера, «где с трех часов после обеда засели в вист и играли до двух часов ночи». То, что Ноздрев – заядлый картежник и плут, выяснится позже, но уже в первой главе поэмы появляются подробности, характеризующие его как игрока. Несмотря на то, что он со всеми был на «ты», «когда сели играть в большую игру, полицеймейстер и прокурор чрезвычайно внимательно рассматривали его взятки и следили почти за всякою картою, с которой он ходил» (VI, 17).

Как азартный игрок, Ноздрев раскрывается в нескольких эпизодах четвертой главы поэмы. Встретившись с Чичиковым в трактире, он

сообщает, что «продулся в пух»: «Веришь ли, что никогда в жизни так не продувался. Ведь я на обывательских приехал. <...> Не только убухал четырех рысаков – просто все спустил. Ведь на мне нет ни цепочки, ни часов...» (VI, 64). Ноздрев играет в азартные игры и надеется на случай. Свои неудачи он тоже объясняет волей случая: «Не загни я после пароле на проклятой семерке утку, я бы мог сорвать весь банк» (VI, 64). Речь данного персонажа пестрит картежной терминологией: «играть дублетом», «в фортунку кутнул», «и в гальбик, и в банчишку, и во все что хочешь». В авторских характеристиках картежника подчеркивается, что он «спорил и заводил сумятицу за зеленым столом <...>. В картишки <...> играл он не совсем безгрешно и чисто» (VI, 70). Намёком на картёжные махинации героя является описание того, как он на протяжении четырех дней не выходил из комнаты, занимаясь «делом», требующим большой внимательности. Дело это «состояло в подборании из нескольких десятков дюжин карт одной талии, но самой меткой, на которую можно было бы понадеяться как на вернейшего друга» (VI, 208). Ноздрев – игрок не только за карточным столом, но и в жизни, о чем свидетельствуют детали его поведения.

Есть в гоголевской поэме эпизод, в котором описание карточной игры выполняет психологическую функцию. Это эпизод, когда Чичиков после «разоблачения» Ноздрева, «присел в вист», чтобы не думать о случившемся. Присутствующие обратили внимание на то, что Павел Иванович, «так тонко разумевший игру», играл плохо: «все пошло, как кривое колесо: два раза сходил он в чужую масть и, позабыв, что по третьей не бьют, размахнулся со всей руки и хватил сдуру свою же» (VI, 173). Плохая игра Чичикова – свидетельство его внутреннего состояния. Рассказчик замечает, что чувствовал он себя так, «будто прекрасно вычищенным сапогом вступил вдруг в грязную, вонючую лужу» (VI, 173).

Поэма Гоголя поражает огромным количеством эпизодических персонажей, каждый из которых незабываемо индивидуален, потому что окружен деталями и подробностями. Однако при этом гоголевские

эпизодические персонажи, как справедливо заметил А.Б. Есин, «не дают толчков к сюжетному действию, не помогают характеризовать главных героев <...>. Они существуют сами по себе, интересны для автора как самостоятельный объект изображения, а вовсе не в связи с той или иной функцией»⁸. Например, описание въезда Чичикова в губернский город сопровождается упоминанием о двух русских мужиках, размышляющих о колесе и о том, доедет ли оно в Москву или Казань. В дальнейшем повествовании об этих мужиках не будет сказано ни слова. Случайно встретившийся Чичикову молодой человек также описан достаточно подробно: «...в белых канифасовых панталонах, весьма узких и коротких, во фраке с покушеньями на моду, из-под которого видна была манишка, застегнутая тульской булавкой с бронзовым пистолетом» (VI, 7). Детали данного описания могут говорить о моде того времени, «тульская булавка» – о месте, где она изготовлена, но при этом они не несут никакой психологической нагрузки, поскольку упомянутый «молодой человек» никогда уже не появится на страницах поэмы. Однако его появление «в кадре» мотивировано желанием автора воссоздать полноту жизни. Автор детально описывает образы слуг, чиновников, городских дам, реальных и умерших мужиков, создавая образ народа и нации, что соответствовало жанровой природе задуманного им произведения.

Детализация изображаемого – характерная особенность письма Гоголя, которая нашла, пожалуй, наиболее яркое выражение в поэме «Мертвые души». Функции подробностей и мелочей в данном произведении разнообразны: это функции «торможения», «задержания» действия, функции конкретизации времени и места действия, создания фона, в том числе исторического, функции психологической характеристики персонажей. Художественные детали у Гоголя, как правило, не единичны. Они объединены в систему и несут на себе значительную смысловую и идейно-художественную нагрузку.

¹ *Белый Андрей*. Мастерство Гоголя. М., 1996. С. 118.

² *Чернец Л.В.* Деталь // Введение в литературоведение. Литературное произведение: Основные понятия и термины: Учеб. пособие. М., 1999. С. 73.

³ *Белый Андрей*. Мастерство Гоголя. С. 95.

⁴ См.: *Смирнова-Чикина Е.С.* Поэма Н.В.Гоголя «Мертвые души»: Комментарий. Л., 1974. С.134.

⁵ *Белый Андрей*. Мастерство Гоголя. С.52.

⁶ *Терц Абрам*. В тени Гоголя // Абрам Терц. Собр. соч.: В 2 т. Т.2. М., 1992. С.259.

⁷ См.: *Лотман Ю.М.* Пиковая дама и тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Т.2. Таллин, 1992. С.394.

⁸ *Есин А.Б.* Люди, вещи, события в «Мертвых душах» Гоголя // Есин А.Б. Литературоведение. Культурология. Избр. труды. М., 2002. С. 199.